

КАКЪ НАМЪ БЫТЬ ?

(Изъ писемъ о Россіи).

Иногда я получаю письма, написанныя болью за Россію, всегда волнующія, порой очень горькія, безоглядно указывающія на виновниковъ небывалаго разгрома, полныя убѣжденности, что — «теперь, уцѣлѣвшіе и сохранившіе еще силы борются за нашу поруганную родину, мы должны вдуматься въ наше прошлое, рѣшительно покончить съ „идеалами и фетишами” такъ называемой прогрессивной, или передовой русской интеллигенціи, въ сущности безнаціональной, — должны познать подлинное свое, творить и хранить его».

Рѣдкое письмо не заключало въ себѣ вопроса: «какъ намъ быть?» Давались и рѣшенія:

«Надо выработать основы, „заповѣди”, какъ и за что стоять, свято повѣрить въ нихъ и осуществлять только ихъ, чтобы не тратить безплодно силъ».

«Мы должны отбросить вопросы „вѣчные” и „проклятые”, надъ чѣмъ больше вѣка трудилась наша радикальничавшая интеллигенція, требовавшая „прямыхъ отвѣтовъ”; должны покончить со всѣми этими разсужденіями о „правдѣ-истинѣ” и о „правдѣ-справедливости”, чѣмъ щекотали мозги досужливые люди, мучившіе себя вопросомъ — „имѣемъ ли мы право погружаться въ искусства, въ науки... получать образованіе на деньги, выколоченныя съ бѣднаго народа, пребывающаго во тьмѣ?” — это образованіе получавшіе, сидѣвшіе въ редакціонныхъ креслахъ, поджигавшіе на политическія убійства, тайно рукоплескавшіе имъ, изъ безмѣрной „любви къ народу”, будоражившіе „народъ”, толкавшіе молодежь на дѣло смерти и, въ концѣ концовъ, столкнувшіе Россію въ пропасть!..»

«Мы должны рѣшать наши вопросы, близкіе русской жизни, а не весь свѣтъ любить и за него терзаться, — терзается онъ за насъ? — укрѣплять наше, не отдѣлять „народа“ отъ Россіи, принимать всю ее, со всѣми ея классами, не отщелушивая все лучшее, что выдѣляла страна вѣками на всякихъ попрощахъ. Только, укрѣпивъ „поле русское“, попробуемъ засѣвать и „мировое поле“, если сѣмена найдутся, если суждена намъ „миссія“!»

«Наша миссія — возрожденіе Россіи. Снова и снова — подвигъ, подвигъ новаго созиданія Россіи, въ потѣ и крови монаха и солдата, вѣчныхъ русскихъ подвижниковъ! Вотъ наши идеалы. Не самоувѣренность политиковъ съ провалившимися программами, не любованье своимъ идеализмомъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, не прикрытыя паэосомъ патриотизма чаянія „вернуть свое“, а великое послушаніе Россіи, великое за нее стояніе!»

«Гдѣ духовные вожди, наши?! Сколько ихъ было у „отцовъ“, и куда привели они!.. Почему не руководили лучшіе? почему осмѣивались достойнѣйшіе? Надо „разрыть могилы“, надо воздвигнуть лучшихъ, услышать непонятый ихъ голосъ. Есть они! Они же Россію создавали, указывали пути свѣтлые. Тихія ихъ лампы манили ее изъ тьмы. „Огни міра“ сожгли ее. Какъ же намъ быть?!»

Я отвѣчалъ вопрошателямъ. Я чувствовалъ, что они мучаются всѣмъ этимъ, что они ждуть совѣта. Меня смущало, что я не имѣю опыта въ рѣшеніи государственныхъ и исторической важности вопросовъ, да еще при такомъ разгромѣ, при такомъ-то провалѣ идеи и идеаловъ!; — что я не мыслитель, не политикъ, не проповѣдникъ и не судья тяжкихъ и роковыхъ ошибокъ поколѣній. И все же я отвѣчалъ по-сильно. Я понималъ, что новое поколѣніе жаждетъ новаго наполненія и новыхъ идеаловъ, что безъ идеаловъ оно существовать не можетъ: оно же русское поколѣніе! Миѣ было ясно, что мои вопрошатели отвергли специалистовъ политики и «проклятыхъ вопросовъ», что эти специалисты для вопрошателей — банкроты, что иные изъ нихъ какъ бы и виновники разгрома. Я долженъ былъ отвѣчать хотя бы для того даже, чтобы утишить огонь сжигающій. Я чувствовалъ иногда по письмамъ, что святой огонь, которымъ горѣли души лучшихъ людей и поколѣній, еще горитъ въ опаленныхъ и

оскорбленныхъ, лишенныхъ родины; что не «прометеевъ» это огонь, а чистый огонь Россіи, огонь жертвы, любви и вѣры, — огонь отъ ея лампадъ. И не «проклятые» вопросы ставятся, а воистину это крикъ страданія. Я начиналъ постигать, что теперь, надъ всѣми «проклятыми» вопросами былого, поднялся — святой вопросъ, что этотъ святой вопросъ — о бытіи Россіи. И, преодолевая сомнѣнія, отвѣчалъ, прислушиваясь къ душѣ Россіи — къ душѣ вопрошателей моихъ.

Чтобы не повторяться, я счелъ полезнымъ выступить какъ бы съ общимъ отвѣтомъ вопрошателямъ. Я не считаю эти мои отвѣты-письма исчерпывающими. Это какъ бы мси бесѣды. Я имѣю передъ собою не искушенныхъ въ «государственныхъ опытахъ» знатоковъ, а искренно мучающагося собесѣдника-друга, большею частью изъ поколѣнія, выросшаго въ воинѣ и разгромѣ, отдавашаго себя въ жертву за Россію, близкаго мнѣ по духу, — изъ того несчастнаго поколѣнія, которое не видало улыбки и ласки родины, которое «у чужой притолоки слонится», воздухомъ чужимъ дышитъ, но которое страстно хочетъ увидѣть лелѣемую въ мечтахъ Россію, хочетъ найти ее и крѣпко ее беречь.

Вотъ для этихъ, сердечно близкихъ, и пишу я, усиленно хочу отвѣтить моему многоликому, но единому въ духѣ вопрошателю.

I.

Ваше письмо, полное горечи и боли, какое-то изступленное мѣстами, — особенно тамъ, гдѣ вы проклините «виновниковъ», — взволновало меня искренностью, исканіями и кипѣніемъ души вашей. И чрезвычайно обрадовало. Не страстность, не пылъ раздраженія обрадовали, — далеко не все справедливо въ обвиненіяхъ вашихъ, — а ваша духовный запасъ обрадовалъ, ваше «не подаюсь!» — ваше страстное чуяніе Россіи и жажда ее познать (пусть и о к а черезъ изученіе написаннаго о ней) — вѣра въ нее — послѣ всего! — вотъ что меня обрадовало. Этого-то какъ разъ и пехватало огромной части нашей интеллигенціи, въ Россіи жившей и такъ мало знавшей ее. Я поражаюсь, сколько въ васъ пламенной тяги къ ней, любовнаго къ ней горѣнія, словно вы въ

ней одной соединили всѣ чарованія невѣсты, матери и сестры, всѣ восторги, не отданные вами л ю б и м о й , которую вы не знаете... которую только ждете, которая должна быть должна быть суждена вамъ! Вы ее любите страстно-больной любовью, какую матери любятъ незадачливаго ребенка.

Много больногo въ вашихъ словахъ о ней. Много трепета и сгня, священнаго, чистаго огня. Вы еще не любили въ жизни. Ваши любви не нашли себѣ выхода, наливались и увядали, сожженные. Именно — чистаго огня, несмотря на всю грязь и кровь, на всѣ ужасы, черезъ которые вы прошли, борясь неустанно и непрестанно, не подаваясь, вѣря. И сохраниться такимъ, какимъ я чувствую васъ въ письмѣ, «дѣвственникомъ», — какъ рыцарь, который «имѣлъ одно видѣнье, непостижное уму», — сохранить себя при такихъ условіяхъ безпричальной, бродяжной жизни, въ работѣ подъ землею, въ глуши, безъ единственной близкой, живой опоры, при убивающемъ духъ сознаніи, что крутомъ, во всей Европѣ и по всему миру, никому, кромѣ раскиданныхъ соотечественниковъ, нѣтъ никакого дѣла до нашего! Всѣ противъ насъ. Въ нашей даже средѣ—сколько есть противъ нашего, сколько разъединителей и гасителей воли и вѣры нашей! А вотъ, не угасаетъ воля, не умираетъ вѣра. Вы живы и подъ землей, въ черной и душевной шахтѣ, и, какъ рыцарь былыхъ эпохъ, вѣрнымъ остались Т о и , прекраснѣйшей изъ прекрасныхъ, которая ни одной улыбки не подарила вамъ, которая не ваша, за которую вы приняли столько мужъ.

Понимаю васъ, когда вы говорите:

«Если бы не она — мучающій меня такъ сладко ея призракъ, въ которомъ и погубленная моя невѣста, и бѣдная моя мать, и мои пропавшія безъ вѣсти сестры... если бы не послѣдняя моя вѣра, что Россія все еще гдѣ-то есть — и будетъ! — давно бы съ собой раздѣлался!». »

И еще:

«Во имя ея прошлаго, во славу ея будущаго — страдаю. Но дайте, дайте живого дѣла!»

Видите, вотъ ужъ и — идеалы. А вы съ такимъ отчаяніемъ сказали: «Надъ всѣми „идеалами“ — крестъ!» Не обойдетесь безъ идеаловъ. Много придется отвѣять изъ «идеаловъ», выправить и ввести новые идеалы, придется

и въ самой русской интеллигенціи отборъ сдѣлать и объяснить, чѣмъ была передовая, какъ вы называете иронически, русская интеллигенція, и какою она должна бы быть; но безъ идеаловъ, безъ окрыленія и озаренія жизни — ни жить, ни творить нелзя.

Объ этомъ мы еще побесѣдуемъ. А пока укажу вамъ на авторитетъ, называемый и великимъ, и національнымъ, называемый такъ почти всѣми, даже несхожими съ нами въ отношеніи къ нашему, — чтимый теперь, какъ святыня культуры нашей, — на Пушкина. Приведу чудесную его вѣру, — она-то и въ васъ горитъ:

«Два чувства дивно близки намъ —
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце нищу —
Любовь къ родному пенелішу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.
(На нихъ основано отъ вѣка
По волѣ Бога самого
Самостоянье человѣка, —
Залогъ величія его.
Животворящая святыня!
Земля была безъ нихъ мертва;
Безъ нихъ нашъ тѣсный міръ — пустыня,
Душа — алтарь безъ божества.)»

Правду этой, Пушкинскои вѣры вы должны чувствовать очень остро. Развѣ вы чувствуете — пустыню? развѣ ваша душа — безъ божества? Нѣтъ, пока въ душѣ — она, вы можете еще молиться. Вотъ — правда и вѣра Пушкина, заповѣдь его, національнаго, нашего Учителя, котораго мы еще мало знаемъ. Читайте и перечитывайте его. Онъ весь — національный. И, весь національный, полный національнаго, опъ и за-национальный, онъ — всякій, какъ Достоевскій открылъ его. Въ немъ какъ бы знаменіе будущей Россіи, ея возможностей! И вотъ, это его вѣщаніе — главнѣйшая изъ основъ бытія всякаго народа. Это — религиозное. Это — религія, духовная связь съ родиной. Это — національный идеаль. Это гласъ Божій въ насъ. И это онъ въ васъ, съ самага вашего рожденія, съ первой каплей молока матери, съ первымъ звукомъ родного слова, во всѣхъ чувствованіяхъ вашихъ, во всѣхъ грезахъ. Это весь опытъ прошлаго, корни прошлаго, отвѣты

солнца прошлаго, освѣщающіе намъ путь, съ истоковъ родины нашей, съ первыхъ дѣтскихъ ея шаговъ — до торжественно-властной поступи въ исторіи народовъ! Это голоса славныхъ гробницъ нашихъ, завѣтовъ и заклинаній тѣхъ, что пали за дѣло родины. Эти голоса наполняютъ духовное наше существо. Въ этихъ беззвучныхъ отзвукахъ слышны и шопоты надежды, и укоры, и мерцанья-грезы изъ сновъ далекихъ, и мудрыя велѣнья... Это — исторія. Это — пѣснь, вѣщая пѣснь России, вѣщей голосъ чудесныхъ ея Пѣвцовъ, ихъ «гласъ пророковъ». Это — мерцающія лампы у гробницъ, опаляющіе огни великихъ испытаній.

Великое богатство предковъ, ихъ опыта, — навѣки связало васъ, и ведетъ, если вы подлинно кровный, и хпій. Вы — кровный. Вы чутко слышите зовъ завѣтовъ, вѣщанія толосовъ подземныхъ. Они, эти голоса, слышимые черезъ Великихъ, чуемые инстинктомъ, шумятъ непрестанно въ васъ, стучатъ въ вашемъ сердцѣ кровью, ведутъ на страшныя испытанія, поддерживаютъ вашъ духъ надеждой, шопотомъ въ васъ влюбленной, рвущейся къ вамъ Россіи. Почему — тоска? Да потому, что она, единственная, къ вамъ рвется, болью своею знаетъ, что вы отдали за нее... потому, что она вамъ дороже всѣхъ міровъ. Вы связаны съ ней навѣки, и она съ вами связана. Связь неразрывна и по смерти!

«И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать!»

Здѣсь — тайна родины, родины; — тайна тайнъ. Съ вами Она, всегда. Беззвучный шопотъ и зовъ ея — на вашемъ бездорожьи, подъ тяжкою землею, въ шахтахъ. Этотъ — родины зовъ беззвучный — и въ вашемъ письмѣ ко мнѣ, и въ трепетѣ вашемъ страстномъ, и въ проклятыяхъ вашихъ, и въ молитвѣ... въ единственной молитвѣ — за Россію!

Ваша неправда мнѣ человѣчески понятна. Проклинаете, угрожаете, судить хотите?... Оставьте маленькое, не опаляйте духа. Для творческаго дѣла храните святой огонь. Злое коварно прельщаетъ васъ — растратить себя

впустую. Соберите себя, готовьтесь къ выдержанной борьбѣ. Духовно вооружайтесь: придетъ время.

Я понимаю, какъ кровоточить рана . . .

Съ перваго курса университета — въ войнѣ, три года боевой жизни, раны, опять на фронтѣ, борьба за Москву, два героическихъ года бѣлой борьбы, раны, эвакуація, Галлиполи . . . Вы все прошли. И столько потеряли! . . . Лично потеряли.

Потеряли невѣсту. «Забыла . . .» — пишете. Отца вашего, скромнаго педагога, разстрѣляли. Вашего брата забрали въ красную армію, — онъ застрѣлился. Мать выгнали съ послѣдняго клочка, и она умерла отъ голода, отъ горя. Сестры не даютъ о себѣ вѣстей . . . Да, вы мученикъ. И ваши проклятія «отцамъ», не всегда справедливыя, оправдываются тѣмъ «адамъ», который въ вашей душѣ, въ которомъ вы прожили лучшие годы ваши. Вамъ 32, семь лѣтъ вы въ бояхъ, дважды пробита грудь. Теперь — подъ землею, бьете киркою въ черную стѣну шахты, какъ рабъ, работаете на бывшихъ враговъ, близкихъ по прошлому, за чью свободу вашъ дѣдъ проливалъ кровь подъ Плевной! Вы часто бьетесь — пишете вы въ письмѣ — «этой незадачливой головой въ душную стѣпу, черную, какъ вся моя жизнь!» И вотъ, послѣ всего такого . . . вы сохранили любовь къ Единственной, сохранили чудесное — вашу вѣру! . . .

Вы чудесный идеалистъ. Всей своей героической жизнью — эти тринадцать лѣтъ — больше, чѣмъ жизнь! — вы доказали, что «идеалы» не пустое слово, что они двигатели, что съ ними нельзя покончить. Идеалы вели и «передовую» русскую интеллигенцію, и съ ними она не могла покончить и, думается, никогда и не покончить. Другой вопросъ, насколько всѣ эти идеалы были необходимы, цѣнны, — насколько связывались они съ главнымъ Идеаломъ. Не было ли пустой работы и, что ужаснѣе, работы во вредъ и гибель — Ему? А безъ идеаловъ . . . какъ же? . . .

Вы во многомъ правы, когда такъ страстно вините «отцовъ», «вождей». Но зачѣмъ — огульно? Не вся интеллигенція русская была такою. Были и вѣрныя направлеія, законнѣйшія теченія русской мысли, здравыя государственно - національно; но, роковыми путями, не вобрали они въ себя главныя силы русскаго общества и растратили

свой огонь впустую. Нѣтъ, не впустую, впрочемъ: отъ нихъ-то и свѣтится въ васъ огонь; отъ нихъ-то и разгорится пламя! Они не созрѣли къ сроку...

Вы обвиняете «вожаковъ-отцовъ» въ легкомысленномъ отношеніи къ Россіи, въ непониманіи — что есть родина, въ беспочвенности, въ отсутствіи патріотизма, въ рабскомъ подчиненіи «европѣ», въ стыдѣ за стталость нашу, за нашу исторію, за угнетенія втянутыхъ въ насъ племенъ, за корыстный захватъ пространства, съ которымъ мы не въ силахъ будто бы совладать, за легкомысленныя мечты о «мірѣ», за фальшивое «христолюбіе» и «богопошеніе», за «мессіанство»... Вы обвиняете ихъ въ стыдѣ за такую, «отсталую», «Великую Россію». Вы обвиняете ихъ, что они отказались отъ наслѣдства, отъ колыбели, качавшей ихъ. Вы обвиняете ихъ въ самолюбованіи и гордынѣ: «на цѣлый міръ замахнулись», — это вы такъ о лѣвой интеллигенціи, — «о внѣнаціонально-міровомъ обществѣ возмечтали, а что дали, что изъ Россіи сдѣлали!» Вы обвиняете ихъ въ корыстномъ захватѣ власти, во властолюбіи, въ безвѣрїи, въ рабствѣ мысли, въ поклоненіи «фетишамъ», въ непониманіи національныхъ цѣнностей, въ погонѣ за призраками, за рѣшеніемъ «астрономическихъ» вопросовъ, вмѣсто того, чтобы постигать смыслъ и цѣнность родного «чернохлѣбья». Вы обвиняете ихъ въ трусливости, что не вышли съ вами па Сатану, что оказались терпимыми къ Сатанѣ, признавъ кое-что своимъ изъ его программы, повѣривъ въ добрую его волю, досадуя на его «ошибки». Вы обвиняете ихъ въ ненависти къ ошибкамъ бывшей власти, которыя они называли «преступленіями». Именуєте ихъ слѣпцами, неспособными видѣть великаго роста родины, которую они проглядели всю, не желая видѣть великихъ достиженій, пугавшихъ и изумлявшихъ міръ.

«Предать — такую!»

Вы во многомъ правы, частично правы. Не вся наша интеллигенція такова: неоднородна она, разноголоса въ главномъ, безъ скрѣпы «великимъ стержнемъ». Она и теперь разноголоса, она и теперь безъ «стержня», и потому — бессильна. И вы, новое поколѣніе, чудомъ какимъ-то проявившее крѣпость воли, имѣете право обвинять ее въ дряблости. Вы, проявившій чуткость къ беззвучному голосу Россіи, имѣете право

обвинять ихъ въ слѣпотѣ и глухотѣ, въ нечуждѣи «почвы». Вы имѣете оправданіе: вы показали жертвенность, превыше программъ и разнобоя поставили вы Россію, кровью купили право судить, ибо и вашу кровь, и кровь миллионовъ братьевъ, неповинныхъ ни въ чемъ рѣшительно, — «пустили» — какъ говорите — «на подливку къ чортовой кашѣ, которую приготовили изъ Россіи отцы-вожди, — для кого?!» Не съ «народа» же спрашивать! И мнѣ понятно, что послѣ такихъ-то нечеловѣческихъ страданій, «какъ каторжникъ въ рудникахъ, работая изъ-за горсти бобовъ, стискиваешь безсильно зубы и бьешься незадачливой головой въ душные угольные стѣны!»

«Пусть же раздумаются „отцы“ надъ этимъ!»

Они раздумываются. Лучшіе изъ нихъ уже давно раздумываются, и... — съ вами. Плачутъ, и такъ же бессильно бьются незадачливой головой объ душные стѣны... міра. Они сознаютъ ошибки. Непримиримы къ неисправимымъ будьте.

Вы сильны, и терпѣливо выслушаете меня. Я обвинять не буду только для того, чтобы обвинять. Я буду и оправдывать «отцовъ».

У многихъ изъ нихъ сердце облито кровью: ихъ дѣти — мученики. Вы и сами обмолвились: «да что проку въ моемъ непрощеніи и судѣ! Основоположниковъ-то разгрома, пожалуй, и нѣтъ давно. И безлики они, какъ была безлика для нихъ Россія. Останется для суда — камень, разбившій чудесный Ликъ, осквернившій святое въ Ней. А тѣло... сверлятъ и пожираютъ черви. Червей не станешь судить: ихъ растоптать, только!»

Не только «отцы-вожди»,—эта законная делегация народа. Интеллигенція: придется поговорить и о правителяхъ.

Пишу вамъ не для того, чтобы искать виновниковъ: надо познать ошибки и преступленія, чтобы не повторять ихъ.

Вы избрали, по моему, вѣрную дорогу: познать причины, основныя причины «краха» и подвести фундаментъ подъ будущее строеніе. Вы начали съ познаванія Россіи. Необходимо знать исторію Россіи; познать, что не простая это исторія, а какъ бы священная исторія, совершенно осо-

бенная, чѣмъ исторія другихъ европейскихъ народовъ, — вторая священная исторія, какъ была когда-то первая; — исторія со своей Голгоѳой! Объ этомъ мы побесѣдуемъ особо.

Вы перечитали Ключевского, «Россію и Европу» Данилевскаго, славянофиловъ. Герцена. Константина Леонтьева; — «открытие!» — говорите, — «все у Достоевскаго, что написано имъ о „русскомъ“...» Все это очень нужно. Большинство русской интеллигенціи интересовалось больше исторіей европейскихъ идей и особенно — революцій. Въ мое время исторіей русскихъ идей и идеаловъ интересовались одиночки. Большинство же такъ называемой «революционной», или, какъ вы иронически называете, — «передовой» интеллигенции — увлекалось по русской исторіи критикой, стыдилось «взлетовъ двуглаваго русскаго орла» — «хищнаго» орла! — и «шелеста знаменъ русскихъ». Для этой интеллигенции въ исторіи Россіи пріятнѣйшими страницами были развѣ «вольные Новгородъ и Псковъ»; «Боярская Дума»; споры ученыхъ, — была ли «конституція» при избраніи на царство Михаила Романова; бунты Стеньки и Пугачова, «проявленія массъ»; — и темнѣйшими пятнами являлись эпохи Николаевъ и Александровъ, — расцвѣтъ Россіи. Съ увлеченіемъ остротой, прочитывались книжонки, сработанныя для пропаганды, — о «тайнахъ Россійскаго Двора», о развратѣ Петра, о юбкахъ Елизаветы, о любовникахъ и фавориткахъ, объ интимностяхъ переписокъ, о подробностяхъ умерщвленія царей, о «расхищеніяхъ народнаго достоянія Самодержцами», объ угнетеніи «народа», о подавленіи самостоятельности и независимости племенъ, «стоящихъ на высшей, чѣмъ мы, культурѣ», о пораженіяхъ Россіи... — хулу и пошлость, мелочи историческаго сора. Можно сказать, пожалуй, что большинство нашей — партійной и политической — интеллигенции, считавшей себя передовою, было недовольно русской исторіей и не сказало бы такъ чудесно, какъ сказалъ когда-то въ письмѣ къ Чаадаеву мудрый и благородный Пушкинъ:

«... клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не хотѣлъ бы ни переимѣнить отечества, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какой намъ Богъ ее послалъ».

Вы читали Герцена... Да, онъ очень подчасъ стыдился... и даже извинялся, что онъ — русский! И очень неприятно извинялся. Мы склонны къ самооплевыванію. Было и раболѣпство передъ «европейскимъ», и зависть къ европейской исторіи, къ революціямъ и крестьянскимъ войнамъ, къ ея эффектности. Наша исторія... — какая «простота», какая «будничность»! Теперь мы имѣемъ — эффектнѣйшую, паикровавѣйшую изъ всѣхъ исторій...

Вы ознакомились и съ идеологіей русскаго образованнаго слоя. Досадно: въ освѣщеніи пристрастномъ. Покаявшимся «отцамъ» слѣдовало бы самимъ освѣтить «путанныя дорожки», написать теперь «критику русской общественности», при свѣтѣ полученнаго «эффекта». Вы дѣлаете выводъ: «какое рабство передъ „европой“!» Да, плохо. Плохо, что безъ критики поклонялись, пересаживали, не приготовивъ почвы, въ священномъ восторгѣ пересаживали, упуская изъ вида первѣйшій изъ идеаловъ — идеаль Родины, знаніе своей почвы, неразрывную связь съ прошлымъ, съ «гробами предковъ», — родину подмѣнивъ отвлеченнымъ понятіемъ «народъ».

Васъ возмущаетъ и «болтовня философовъ», ложныхъ философовъ. И меня возмущаетъ иногда, какъ же не возмущаться вамъ?! Вы — участникъ дѣла, жертва, истекали кровью, борясь со Зломъ, видя его воочию... — а они — «блаженно-самовлюбленно плаваютъ и полощутся въ легкомъ теченьи мыслей... упражняются въ діалектикѣ. словно играютъ въ теннисъ!» Они «играютъ въ мысли». Не обращайтесь вниманія, пусть играютъ. Слушайте вашей совѣсти, не спорьте съ ними, не возражайте имъ. Это, своего рода, — спортъ. Не возмущайтесь «куриною слѣпотою» ихъ, ничего не осмыслившихъ, не знавшихъ боя, разсматривающихъ Зло, какъ философскую категорію, и горячо порицающихъ, «съ точки зрѣнія христіанской», сопротивленіе Злу мечомъ.

«Какъ они смѣютъ. — пишите вы, — осуждать мечъ на Сатану, мечъ — Крестъ, когда они ни меча не держали, ни ранъ отъ него не получали, ни Сатаны не видали и даже вѣрятъ въ него, какъ въ „философскую категорію“, а Крестъ для нихъ только условный символъ?!»

Какое до нихъ вамъ дѣло? Пусть себѣ осуждаютъ, пишутъ. Скользите мимо играющихъ.

Величайшей ошибкой было, что наша интеллигенція, за рѣдкими исключеніями, не дерзала критиковать все то, что прельщало ее «идеями», казалось новымъ: — жила импульсами. Она прислушивалась къ «философамъ», принимая «процессъ» за истину, и крики часа сего—за вѣчное. Вдохновенно-страстно бѣжала она по крику и горячо возмущалась, что правители не внимаютъ «мудрецамъ».

Исторія европейскихъ «идей» обильна примѣрами того, какъ возвѣщенное «мудрецами» раскалывало передовыя массы любой страны. Для насъ въ этомъ было роковое. Наша интеллигенція получила въ короткій срокъ множество всякихъ «идей» и «категорій», и, скороспѣлки, запутались мы и расщепились. Мы расщепились глубже и пагубнѣе, ибо мы, скороспѣлки, ходомъ нашей исторіи обречены были догнать. На насъ, не имѣвшихъ крѣпкой, національной, почвы, многоплеменныхъ, поставленныхъ судьбою между Западомъ и Востокомъ, обильно высыпались «идеи». И эти «идеи» раскололи, расплющили зарождающуюся единую основу, — помѣшали образованію крѣпкаго, національнаго, русскаго ядра. Вотъ тутъ-то, въ несложеніи крѣпкаго національнаго ядра, въ расщепленіи силъ лучшей части народа, въ центробѣжности этихъ силъ,—и лежитъ главная причина свалившагося на насъ разгрома. Тысячи «проклятыхъ» вопросовъ раздирали русское образованное общество. Множество силъ ушло на «прямые отвѣты», на разрѣшеніе этихъ вопросовъ, часто далекихъ намъ, когда требовалось желѣзною жизнью, сущими интересами Россіи ставить единый, святой вопросъ — укрѣпленіе бытія Россіи.

Вы пишете:

«Предали насъ, своихъ дѣтей... уводя отъ Россіи въ міръ, водя по міру, чтобы въ концѣ концовъ пустить и Россію, и всѣхъ насъ — по-міру! Любя всѣхъ, въ сущности не любили никого. Не познали Россіи и не научили и насъ познавать ее. Мы узнали ее сами, да! Мы встали за нее по инстинкту, сохранившемся въ насъ отъ вѣковъ связанности съ нею черезъ предковъ, черезъ ихъ кровь-труды, че-

резъ что-то въ ея исторіи, отъ ея воздуха, отъ ея природы, отъ ея хлѣба, — по инстинкту, въ насъ крикнувшему — спасай! — какъ часто бываетъ въ жизни, когда угрожаетъ любимому смертный часъ, когда любимыи гдѣ-то, далеко гдѣ-то, — и вотъ, защемятъ и захолопеть на сердцѣ. Они, ведущая вѣкъ интеллигенція, любили призракъ, а не живое тѣло, не живую душу Россіи».

Да, вы за нее встали — по инстинкту. Вы почувствовали Россію. Вы не познали ее реально, любовнѣйшимъ изученіемъ ея, непосредственнымъ прониканіемъ въ нее, — у васъ не было времени на это. — но вы восприняли ее черезъ душу постигшихъ ее творцовъ, великихъ, національныхъ, нашихъ, — Державина, Ломоносова, Петра, Крылова, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Лѣскова, Тютчева, Мельникова-Печерскаго, Менделѣева, Достоевскаго, Толстого... и многихъ-многихъ, — черезъ истинно полноправныхъ представителей Россіи, слушавшихъ трепеть души ея. Вы постигли ее черезъ великихъ собирателей ея — отъ Александра Невскаго до Петра, Екатерины, Александровъ, — черезъ сподвижниковъ ихъ, черезъ подлинное національное, а не «европейское», — и вы полюбили Россію дѣтскою чуткостью, взяли ее — инстинктомъ. И за нее боролись. Вы полюбили не «народъ», какъ почему-то была влюблена наша «передовая» интеллигенція, а всю ее, не дѣлимую на сословія и классы, внѣ всего переходящаго, связанную со всѣмъ и всѣми, что въ ней, и на ней, и съ ней, что было у ней, что есть, что будетъ. Полюбили такъ, какъ любили ее Великіе... какъ любили ее и цари... да, цари... какъ любить, не сознавая того совсѣмъ, и весь народъ русскій... и, запоздало, — многіе теперь русскіе интеллигенты, даже съ «программами». Вы, герои, полюбили ее и отдали за нее все, — за свѣтлую, грезящуюся вамъ Россію, за Бѣлую Россію, — не за могильный саванъ ея, а за бѣлыя пелены Рожденія! По вѣрѣ вашей, по мукамъ вашимъ — родится она, должна родиться! И больно, что есть люди, русскіе люди, которые все еще не хотятъ прозрѣть, все еще не хотятъ понять, что ваша борьба за Нее есть жертва за прошлыя ошибки и преступленія, великая жертва необходимости, страшная историческая правда, а не ошибка, или чуть ли не преступленіе!

Русская интеллигенція, роковымъ образомъ, не смогла создать крѣпкаго національнаго ядра, къ которому бы тянулось самое лучшее, самое сильное, самое яркое по талантамъ изъ всего русскаго, живого. Не было національно воспитанной, сильной, русской интеллигенціи. Былъ великій разнорядностью силъ, и разнорядность силъ этихъ пошла не по Россіи, а в нѣ, — въ «пространство». Русская интеллигенція переоцѣнила это «пространство», сочтя его своимъ. Пространство не отозвалось. Оно показало себя—своимъ, не нашимъ, даже враждебнымъ намъ, оно показало въ себѣ много совсѣмъ чужихъ, национальныхъ ядеръ, которыя охраняли свое, которыя не пожелали принять безродное; — и, откинутая въ пространство, Россія пошла куда-то... — и попала туда, гдѣ принимаютъ безыменныхъ,—въ цѣпкія ланы Интернационала, — безроднаго, безгосударственнаго, безбожнаго, алчнаго и завистливаго, умерщвляющаго живое. Попала, несмотря на героическую, — увы! — запоздалую борьбу вашу. «Народъ» безмолвствовалъ. Ибо править жизнью не «почва», а «сѣятели». Вина не въ одномъ моментѣ, какъ и спасеніе: не черезъ моментъ. Вина давно назрѣвала. И освобожденіе — путь величайшихъ напряженій.

Надо къ нему готовиться. Лучшей части народа, его интеллигенціи, надо понять свое національное назначеніе, понять Россію, ея пути, — каждый народъ имѣетъ свои пути, — и, понявши, идти покорно, покорно цѣлямъ, указаннымъ Судьбою — Смысломъ исторіи — Богомъ. Идти и вести. Сознать ошибки, пороки и заблужденія и преклониться передъ Россіей, передъ ея путями. Она поидетъ. Силы ея велики, и надо умѣть съ ними обращаться.

Ив. Шмелевъ.

Ланды.
Августъ 1927 г.